

АБРАВИТОВА Ю.И.,
кандидат юридических наук, Государственный
университет морского и речного флота имени
адмирала С.О. Макарова,
e-mail: abravitova@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕЗУЛЬТАТОВ МАШИННОЙ ГЕНЕРАЦИИ

Аннотация. С развитием систем искусственного интеллекта, существующие правовые режимы в сфере интеллектуальной собственности сталкиваются с рядом проблем. В частности, пока не определены правила, применимые к произведениям, созданным искусственным интеллектом, их статус остается дискуссионным. Проблема заключается не просто в установлении того, может ли машина быть автором — гипотеза, которую позитивное право продолжает исключать, — а в проверке того, когда результат машинной генерации может быть квалифицирован как произведение и, следовательно, как объект защиты авторского права. Анализируются техническая природа генеративного искусственного интеллекта, принципы его работы и их значение для правовой квалификации сгенерированных объектов. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению правового статуса ИИ-генераций. Обоснована необходимость сохранения антропоцентричного принципа авторского права. Отмечено, что правовая оценка результата машинной генерации требует анализа, основанного на степени автономности системы искусственного интеллекта, степени вмешательства человека и прослеживаемости творческого процесса. Предлагается создание специализированного реестра процессов генерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право интеллектуальной собственности, авторское право, смежные права, творчество, оригинальность.

ABRAVITOVA Ju.I.,
Candidate of Law, Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COPYRIGHT: THE PROBLEM OF THE LEGAL REGIME OF MACHINE GENERATION RESULTS

Annotation. With the development of artificial intelligence systems, the existing legal regimes in the field of intellectual property face a number of problems. In particular, until the rules applicable to works created by artificial intelligence are defined, their status remains debatable. The problem is not simply to establish whether a machine can be an author — a hypothesis that positive law continues to exclude — but to verify when the result of machine generation can be qualified as a work and, therefore, as an object of copyright protection. The technical nature of generative artificial intelligence, the principles of its operation and their significance for the legal qualification of generated objects are analyzed. The main doctrinal approaches to determining the legal status of AI-generations are considered. The necessity of preserving the anthropocentric principle of copyright is substantiated. It is noted that the legal assessment of the result of machine generation requires an analysis based on the degree of autonomy of the artificial intelligence system, the degree of human intervention and the traceability of the creative process. It is proposed to create a specialized registry of generation processes.

Key words: artificial intelligence, intellectual property law, copyright, related rights, creativity, originality.

С момента появления искусственного интеллекта (ИИ) в 1950-х годах в обществе развернулась дискуссия о том, могут ли машины «думать». Совместными усилиями исследователей в области информатики и когнитивной психологии стали предприниматься первые попытки имитирования машинами человеческого процесса творчества путем генерации изображений, текста, музыки и других типов контента. В 2000-х годах цивилисты стали приходить к выводу, что сгенерированный с помощью компьютерных программ контент требует некоторого пересмотра канонических представлений об авторском праве, традиционно построенного вокруг центральной роли личности, интеллектуального труда и человеческого творчества [1, с. 74]. Появление в 2014 году генеративных систем искусственного интеллекта увеличило интенсивность научных споров относительно правового режима объектов, созданных с применением машинных алгоритмов.

Основные проблемы, связанные с политической государственной в области формирования правового режима результатов машинной генерации, можно разделить на три категории. Во-первых, проблемы авторства и авторских прав на объекты, генерируемые нейросетями; во-вторых, проблемы определения того, кто несет ответственность в случаях, когда контент, созданный с помощью ИИ, нарушает исключительные права третьих лиц; в-третьих, проблемы обучения нейронной сети с использованием охраняемых произведений без согласия их правообладателей.

В рамках данной статьи мы сконцентрируемся на первой проблеме, и предпримем попытку поиска ответа на вопрос о том, как можно перестроить закон об авторском праве, чтобы он учитывал творения, созданные искусственным интеллектом, не отказываясь его от основополагающих принципов и не нарушая баланс между технологическими инновациями и человеческой сущностью творчества.

Прежде чем углубляться в правовые аспекты, полагаем целесообразным сначала кратко осветить принцип работы искусственного интеллекта и технические последствия этой деятельности.

Этимологически слово «интеллект» восходит к латинскому *intelligere* (*inter-* «между» и *legere* «собирать, выбирать») и означает «понимать, воспринимать, различать, выбирать». Следовательно, интеллект предполагает способность не просто воспринимать неизвестное, но и устанавливать связи между явлениями, сопоставлять их и на этой основе осуществлять осознанный выбор между различными вариантами. В своем человеческом измерении интеллект охватывает совокупность многообразных когнитивных и аффективных способностей: от умения выявлять при-

чинно-следственные зависимости, воображать и прогнозировать до способности воспринимать, выражать, понимать и регулировать эмоции — собственные и других лиц.

Искусственный интеллект представляет собой технологию, которая посредством реализации математических моделей и алгоритмических вычислений позволяет получать результаты, ранее считавшиеся исключительной прерогативой человека. При этом «интеллектуальный» компонент ИИ соответствует способности имитировать поведение человека, тогда как «искусственный» связан с технической природой используемых средств. Следует подчеркнуть, что цель разработки ИИ никогда не сводилась к созданию вычислительных систем, полностью имитирующие когнитивные механизмы человека, а скорее заключается в достижении результатов эквивалентных или превосходящих по качеству результаты человеческой интеллектуальной деятельности.

Генеративный ИИ — это программное обеспечение, способное генерировать контент (текст, аудио, видео, изображения, компьютерный код и т. д.) на основе запроса, называемого «промптом», предоставленного пользователем. Промпт представляет собой целенаправленное человеческое воздействие на систему генеративного ИИ, осуществляемое посредством подачи текстовой, графической, звуковой или смешанной информации «для целей получения искомого результата — графического, музыкального, текстового или иного» [2, с. 29]. Контент генерируется реалистично и почти всегда уникально, практически невозможно получить один и тот же результат дважды. Основой «генеративного» искусственного интеллекта стали технологии машинного обучения, предполагающие обучение с учителем, где люди предоставляют информацию о том, чему будет учиться (путем аннотирования изображений); самообучение (аннотирование не требуется) и обучение с подкреплением (методом проб и ошибок). Генеративный ИИ быстро создает сложные модели на основе наиболее значимых закономерностей в миллиардах обучающих данных (книг, статей, изображений, видео и т.д.).

В современных генеративных системах изображений используются преимущественно диффузионные модели — «в процессе обучения они выявляют устойчивые структурные закономерности, характерные для тех или иных объектов, включая форму, взаимное расположение элементов, пропорции и иные визуальные связи» [3], что обеспечивает несоизмеримо более высокое качество генерации за секунды. На аналогичных математических алгоритмах строится генерация текстов: на основе вычислений и анализе предшествующего контекста прогнозируется следующий, наиболее вероятный, токен (текстовая

единица), тем самым «выстраивается статистически выверенная цепочка» [3]. Системы ИИ обладают способностью как к простому воспроизведению, так и к комбинированию элементов для создания контента с новыми атрибутами.

Накопление обучающих данных в ИИ, как правило, стимулирует появление «интеллектуального» поведения в генеративной системе. ИИ может обобщать, что является первым шагом к определенному уровню интеллекта. Однако возможности генеративного ИИ остаются нестабильными и варьируются в зависимости от объема данных, используемых для обучения, и оптимизации систем ИИ. В настоящее время системы ИИ не думают, не рассуждают, ни во что не верят, не чувствуют, принимают мало произвольных решений, не способны ставить цели, разрабатывать новые оригинальные концепции, абстрактные или философские идеи [3].

Практически все трактовки ИИ, предлагаемые юридической наукой, вращаются либо вокруг мышления, либо вокруг поведения (действий) [4, с. 30]. В основе лежит предложенное в учебнике С.Рассела и П.Норвига «Искусственный интеллект: современный подход» (1995) определение искусственного интеллекта как результата пересечения двух ключевых измерений: а) человеческое и рациональное, и б) мышление и действие. Таким образом, можно выделить четыре основных подхода к концепции ИИ. Первый основан на концепции машины, которая действует подобно человеку; второй сосредоточен на идее машины, которая мыслит подобно человеку; третий основан на рациональном мышлении и законах формальной логики; и четвертый — на рациональном действии [5].

В российском правовом поле легальное определение ИИ, предложенное в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта...», фокусируется не только на когнитивных возможностях искусственного интеллекта (прогнозирование, формулирование рекомендаций, принятие решений, самообучение и т.д.), но и включает указание на техно-функциональную составляющую, проводя параллели с человеческим мышлением. Это же определение использует законодатель и в принятом Государственной Думой в третьем чтении 8 июля 2026 года Федеральном законе «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (проект № 1271570-8).

Итак, хотя технический прогресс генеративных моделей порождает иллюзию «интеллектуальности», ИИ функционирует как система веро-

ятностных вычислений и статистического прогнозирования, лишённая сознания, интенциональности и способности к целеполаганию, не имеющая ничего общего с человеческим мышлением, рассуждением или эмоциями. Юридические дефиниции ИИ закономерно фокусируются на внешних проявлениях действия системы, а не на её внутренних процессах, что позволяет праву абстрагироваться от вопроса о «мыслящей машине» и, оперируя категориями имитации и рациональности, сосредоточиться на результатах, сопоставимых с человеческими.

В публичных дебатах о защите посредством авторского права результатов, полученных с помощью алгоритмических систем, речь идёт не только о том, можно ли защитить контент, созданный с помощью систем ИИ, но и о понимании того, кому такая защита, если таковая вообще необходима, должна быть предоставлена. Именно в этом контексте наиболее рельефно проявляется конфликт между технологической эволюцией и традиционной структурой авторского права, исторически построенной вокруг фигуры человека-автора.

Статус произведений, созданных искусственным интеллектом, является предметом дискуссий. Гражданский кодекс не даёт определения, что считать защищаемым авторским правом произведением, идет путем перечисления объектов исключительных прав (ст. 1259 ГК РФ). Действующее законодательство также не содержит структурированного перечня критериев для защиты произведений авторским правом. Однако по результатам проведенного анализа законодательных источников и научных публикаций можно утверждать, что в доктрине и судебной практике сложился комплекс следующих требований: оригинальность, результат творческого труда человека, объективная форма выражения, новизна [2, с. 26-29]. Вместе с тем, следует учитывать, что категории творчества, оригинальности и новизны в авторском праве являются дискуссионными, что обусловлено отсутствием их легального определения и различными доктринальными подходами к содержанию.

Концепция творчества сложна и включает в себя множество уровней анализа: нейронные корреляты, когнитивные компоненты мыслительного процесса, черты личности, эмоциональные факторы, индивидуальное поведение и результаты, коллективное поведение и результаты, социокультурные аспекты и даже космологические аспекты, касающиеся роли творчества во Вселенной. Всякое творчество проистекает из интеллекта. Понимание того, как разум мыслит, рассуждает и учится, проливает свет на творческий акт во всех его измерениях, независимо от того, включает ли он человеческое мышление или машинные

алгоритмы.

Авторское право распространяется на любое произведение, независимо от его назначения, формы, ценности или достоинств, при условии, что оно представляет собой интеллектуальное творение. Создание произведения подразумевает существование автора. Российский законодатель, вслед за Бернской конвенцией, ограничивает круг потенциальных авторов, указывая, что произведения, являющиеся интеллектуальными творениями, создаются человеком (гражданином), чья интеллектуальная творческая деятельность и порождает эти произведения (ст. 1257 ГК РФ). Таким образом, российское авторское право рассматривает произведение как продолжение личности его создателя, предоставляя ему неотчуждаемые вечные нематериальные права. Вместе с тем, следует учитывать, что в авторском праве защита произведения возникает из самого факта его создания, независимо от идентификации его автора. Режим, применимый к анонимным произведениям, закрепленный, в частности, в статье 7 Бернской конвенции и статье 1265 ГК РФ предполагает, что отсутствие идентифицированного автора не может препятствовать защите анонимного произведения.

Концепции оригинальности в правоприменительной практике и академической литературе фокусируются либо на творческом процессе, то есть личном вкладе автора произведения, либо акцентируют внимание на творческом результате, оценивая его с точки зрения уникальности и неповторимости [2, с. 26-29; 6]. При этом нередко подчёркивается необходимость разграничения оригинальности, как критерия, специфичного для авторского права, и новизны, которая в первую очередь важна для защиты промышленной собственности (условие патентоспособности, закрепленное в ст. 1350 ГК РФ). Если оригинальность трактуется в плоскости субъективных категорий («отпечаток личности» автора), то новизна – это объективное свойство, устанавливаемое путём сопоставления с предшествующими творениями.

Отметим, что современное российское авторское право прямо указывает лишь на два критерия охраноспособности произведения: творческий характер деятельности (ст. 1257 ГК РФ) и объективная форма выражения (ст. 1259 ГК РФ). Новизна, уникальность и оригинальность произведения не являются обязательными условиями для предоставления правовой охраны (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10).

Можно ли, с учетом изложенного, считать произведение, созданное с помощью системы искусственного интеллекта, надлежащим объектом в контексте защиты, предоставляемой авторским

правом?

Наша культура является наследницей платоновской и картезианской мысли, что предопределяет дуалистическое мировосприятие, противопоставление человека и машины, разума и материи. Эта философская установка предопределила тон ранних научных и публицистических дискуссий об ИИ: в центре внимания оказались риски утраты человеческой исключительности, особенно в тех областях, которые традиционно считались прерогативой человека, — литературе, живописи, музыке. Авторское право, изначально выстроенное вокруг антропоцентричной модели творчества, согласно которой автор может быть только физическим лицом, а творческий акт — исключительно человеческим, с появлением генеративного ИИ столкнулось с необходимостью переосмысления того, что именно в творческом процессе является неотъемлемо человеческим, и проблемой выбора правового режима результатов машинной генерации.

В настоящее время, исходный тезис, общий для основных правовых систем, остается неизменным: ввиду отсутствия правосубъектности искусственный интеллект не может быть признан автором. Система ИИ, какой бы сложной она ни была, не обладает субъектностью в смысле, требуемом законом; ей не присуща сознательная интенциональность, поскольку ИИ создают вероятностный синтез на основе обширных наборов данных и действуют *agere sine intelligere*; у нее отсутствует свобода воли в юридическом смысле, она не может нести ответственность за нарушения интеллектуальные права на существующие работы. Право на авторство произведения, право на имя, право на неприкосновенность произведения и право требовать защиты от изменений, наносящих ущерб чести или репутации автора, по своей сути предполагают наличие личности, обладающей честью, репутацией и духовной связью с творением.

Также нельзя забывать, что генеративные ИИ-системы технологически зависимы от человеческого творчества: обучение моделей на данных, сгенерированных самими ИИ, ведёт к кумулятивному деградационному эффекту, проявляющемуся в нарастании ошибок и искажений.

Именно поэтому признание за системой ИИ статуса автора-творца на современном этапе развития законодательства и технологий представляется несколько неуместным и преждевременным. Академические дебаты о возможном введении «электронной личности» или особой субъективности для особо развитых систем ИИ остаются, по крайней мере пока, на теоретическом уровне.

Вместе с тем, на доктринальном уровне предпринимаются попытки разработки концеп-

ций авторско-правовой охраны, суть которых заключается в признании искусственного интеллекта автором [4, с. 43,44; 7, с. 101]. Данные концепции пока не находят широкого признания. Ключевым телеологическим аргументом против признания за системой ИИ статуса автора служит целевое назначение авторского права: оно призвано стимулировать людей к творческой деятельности, обеспечивая им правовую охрану результатов их интеллектуальных усилий. В отличие от людей, программному обеспечению не требуется никаких юридических или финансовых стимулов, что создаёт риск перенасыщения рынка синтетическими произведениями, обесценивание человеческого творческого труда и, как следствие, подрыв конституционно значимых целей интеллектуальной собственности — развитие культуры и науки.

Исключение генеративного ИИ из списка возможных авторов, неизбежно порождает круг взаимосвязанных вопросов: при каких условиях вмешательство человека достаточно для установления защиты результата машинной генерации [4, с. 37,41], следует ли установить особое право (правовой режим) [7, с. 99, 103, 104], или же, при отсутствии достаточного человеческого творческого вклада, результат машинной генерации остается вне сферы защиты авторского права [4, с. 44-46].

Тезис о невозможности признать машину автором и сохранении центральной роли человеческого вклада, поддерживается в большинстве стран, вместе с тем, имеет место расхождение относительно оценки интенсивности этого вклада, необходимой для защиты результата, а также относительно того, с чьей деятельностью — программиста-разработчика или пользователя ИИ-системы — следует связывать возникновение прав на созданный объект.

В попытке найти автора-человека некоторые правовые системы (например, Великобритания) ввели юридическую фикцию, приписывая авторство произведения лицу, которое предпринимает необходимые для его создания действия, часто идентифицируя его как разработчика программного обеспечения. Однако это решение представляется сомнительным, поскольку современные системы ИИ, основанные на нейронных сетях, работают как «черные ящики», что делает сгенерированный результат непредсказуемым для разработчика (или пользователя), тем самым разрывая причинно-следственную и творческую связь.

Гипотеза о признании программиста автором результатов машинной генерации с учётом его роли на этапах проектирования, обучения и определения функциональных параметров модели, в настоящее время критикуется еще и потому,

что такое регулирование означало бы необоснованное расширение прав программистов, которые уже пользуются охраной в отношении созданного ими программного кода и монополизации рынка [4, с. 37,38; 8, с. 214].

Другой спорный вариант — передать права пользователю, использующему генеративное программное обеспечение. М.В. Самарцева, анализируя правовую природу промта, приходит к выводу, что его следует рассматривать как юридический поступок — волевое действие, не преследующее правовых последствий, и не являющееся авторским произведением ввиду его инструментальной природы. Созидательный импульс исходит от пользователя, который формулирует задачу ИИ, а непосредственно генерация выполняется ИИ автономно в пределах заданных алгоритмов и является по существу технологической процедурой [2, с. 34]. Таким образом, пользователь, не создавая в своем сознании идеальную (субъективную) форму произведения и не осуществляя контроль над конечным выразительным результатом своего запроса, не может обоснованно претендовать на авторство, а результат машинной генерации следует рассматривать как технический, а не творческий акт.

Аналогичной позиции придерживается и М.А. Рожкова, полагая, что при использовании генеративного ИИ пользователь утрачивает контроль над процессом создания результата, что исключает возможность признания его творческого вклада. Поскольку «формулирование промпта по своей природе сходно с постановкой технического задания, но не с творческой деятельностью», сам по себе факт составления запроса не может служить основанием для возникновения авторских прав на сгенерированный результат [3].

Полагаем, что промпт возможно рассматривать не только как техническое задание, но и как предоставление идеи, поскольку в силу стохастического характера генерации один и тот же запрос может порождать множество различных результатов. Поскольку авторское право охраняет форму выражения, а не саму идею, а конкретное выражение в данном случае формируется системой ИИ автономно, вклад пользователя не достигает уровня, охраняемого авторским правом.

Имеются сторонники гибридного подхода, согласно которому следует признать совместное авторство различных участников процесса создания — программиста, пользователя, правообладателя (или даже системы ИИ) — в зависимости от степени их вклада в творческий результат (концепции распределенного или переплетенного авторства) [9]. Данная концепция апеллирует к логике коллективного творчества и, предположительно, должна создать правовую основу для творений, где грань между автором и инструмен-

том размывается. Человеческий интеллект остаётся источником творческого акта, и, хотя ИИ материализует произведение, для этого требуется выполнение ряда условий, которые делают эту материализацию возможной: выбор модели, выбор обучающих данных, параметризация ограничений, формулирование промпта, мониторинг и коррекция результата. Иными словами, результат машинной генерации есть отражение человеческого замысла в машине.

Однако предложенная концепция не решает ранее обозначенные проблемы контроля над процессом создания результата; установления достаточности степени вмешательства человека в конечный результат для признания авторства и необоснованное расширение прав разработчика. Более того, гибридная модель создаёт неопределённость в правовом обороте: если каждое ИИ-произведение потенциально имеет множество «соавторов», это порождает сложности с заключением лицензионных договоров и распределением доходов.

Высказываются предложения об охране результатов машинной генерации посредством установления режима смежного права, которое признавало бы и защищало творческие, технические и экономические инвестиции разработчиков программного обеспечения, пользователей, правообладателей системы искусственного интеллекта или иных лиц [10]. Сторонники данного подхода аргументируют его тем, что институт смежных прав может быть адаптирован для охраны результатов, созданных ИИ, без пересмотра антропоцентричного принципа авторского права с заменой «критерия творчества» на «критерий инвестиций». Однако такой подход также порождает ряд проблем. Во-первых, смежные права в классическом понимании всегда производны от авторских и существуют с соблюдением авторских прав на используемые произведения. Результат генерации (текст, изображение, музыка) создаётся на основе статистических закономерностей, выявленных из огромного массива обучающих данных. Даже если эти данные включают охраняемые произведения, сгенерированный объект сложно определить как «производный» в юридическом смысле. Как отмечает И.В. Овчинников, объект генерации «будет представлять собой не изменённую копию какого-либо одного изображения, содержавшегося в данных, и не механическую комбинацию нескольких таких изображений, а некую усреднённую репрезентацию объекта, которую нейронная сеть самостоятельно усвоила на основе изучения и статистического анализа всего датасета» [1, с. 75]. Это существенно затрудняет, если не делает вообще невозможной идентификацию конкретного произведения-источника, с соблюдением прав на

который должна осуществляться охрана.

Во-вторых, как и в случае с авторскими правами, по-прежнему не ясно, кому следует предоставить смежные права на результат машинной генерации. Если закреплять такие права за разработчиком (правообладателем) системы ИИ, возникает вопрос о правовом режиме дальнейшего использования сгенерированных объектов пользователем. В этом случае сгенерированный объект, охраняемый смежным правом, выступает в качестве исходного материала для создания произведения – объекта авторского права. Возникает правовая коллизия: авторское произведение пользователя оказывается производным от объекта смежных прав разработчика, что требует определения объёма прав и обязанностей каждой из сторон и условий такой переработки.

Пробел в нормативном регулировании правового статуса ИИ-генераций восполняется практикой частного нормотворчества: поставщики систем ИИ закрепляют распределение прав на сгенерированный контент в пользовательских соглашениях. При этом договорные подходы существенно различаются: от указания на то, что исключительное право на сгенерированный результат в полном объёме принадлежит пользователю до предоставления широких лицензий, направленных на коммерциализацию результатов генерации [11, с. 87]. Интересно, что ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» вменяет «лицам, предоставляющим возможность применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта» (из текста закона не ясно, кто это) обязанность информировать пользователей о принадлежности прав на сгенерированные объекты, не определяя при этом ни субъектов, ни критериев охраноспособности таких объектов. Тем самым создаётся презумпция охраноспособности результатов машинной генерации, не подкреплённая нормами части четвёртой ГК РФ, что обрекает правоприменение на неопределённость. Между тем, как справедливо отмечал А.А. Крыцула, правила платформы, определяя техническую архитектуру взаимодействия, не становятся объективным правом [12], соответственно исключительное право на результат машинной генерации, не может возникнуть на основании договора в отсутствие предусмотренных законом оснований, а технические возможности платформы сами по себе не создают правового режима ИИ-генерации, отсутствующего в действующей системе позитивного права.

Итак, сейчас результат машинной генерации находится в «серой» зоне правового регулирования [7, с. 98]. В конечном счёте, вопрос о статусе произведений, созданных искусственным интел-

лектом, не может быть решен простым принципиальным отказом от включения их в систему интеллектуальных прав. Право интеллектуальной собственности никогда не было статичным: оно всегда развивалось в ногу с техническими, социальными и экономическими преобразованиями в процессе творчества. Поэтому проблема правового режима результатов машинной генерации должна решаться не через дилемму «охранять или не охранять», а через поиск механизмов признания и регулирования частных интересов конкретных субъектов, лежащего в основе таких результатов.

Практический вопрос заключается не столько в том, стоит ли осуществить онтологическую революцию в частном праве и признать искусственный интеллект субъектом права, сколько в юридической квалификации человеческого участия в процессах создания объектов с использованием ИИ — от разработки и обучения системы генеративного ИИ до последующей обработки сегрегированного результат. Решение этой проблемы предлагается искать в рамках развития подотрасли права интеллектуальной собственности, путем адаптации существующих институтов авторского или смежных прав либо создании специального правового режима.

В настоящее время научная дискуссия сосредоточена на четырех основных возможных правовых режимах результатов машинной генерации:

результат является неохраняемым, поскольку система ИИ не генерирует конкретные произведения предсказуемым для разработчиков или пользователей образом, соответственно причинно-следственная связь между действиями человека и конечным результатом утрачивается;

авторско-правовая охрана, при условии существенного человеческого вклада, обусловленного интеллектуальным трудом автора;

результат защищается посредством предоставления смежного права. Данная концепция основана на инвестиционном критерии: объект обладает экономической ценностью и может быть охраноспособным, но не отвечает критериям авторского права из-за отсутствия достаточного творческого вклада человека. Соответственно бенефициаром в данном случае будет лицо, осуществившее существенные инвестиции в создание генеративной системы ИИ или в организацию процесса генерации;

результат защищается путем создания нового специального режима охраны *sui generis*.

Каждый из указанных подходов имеет определенные недостатки. Первый оставляет результаты машинной генерации в правовом вакууме, что не соответствует потребностям оборота и не стимулирует развитие технологий. Второй стра-

дает неопределенностью критериев «существенности» творческого вклада и сложностью их доказывания в судебном порядке, что создает риски как для правообладателей, так и для пользователей. Третий, несмотря на свою прагматическую привлекательность, сталкивается с потенциальной проблемой дисбаланса частных и общественных интересов, предоставления чрезмерного преимущества технологическим корпорациям — правообладателям систем ИИ. И второй и третий подходы также характеризуются нерешенным вопросом о субъекте прав. В четвертом варианте детали специального режима в академической литературе не уточняются, предлагаемые формулировки, как правило, ограничиваются указанием на необходимость использования по аналогии института смежных прав. Ввиду отсутствия концептуально проработанной модели, обсуждение данного направления в качестве практической альтернативы представляется преждевременным.

Исходя из изложенного, руководствуясь экономическим критерием и социальной функцией авторского права, полагаем целесообразным признать творчески «переработанный» пользователем результат машинной генерации — произведение, созданное с помощью системы ИИ — объектом авторских прав, закрепив соответствующее положение в ст. 1259 ГК РФ.

Концентрация разработок систем генеративного ИИ в руках ограниченного числа крупных технологических корпораций, располагающих альтернативными механизмами окупаемости инвестиций, ставит под сомнение необходимость признания «чистого» результата машинной генерации объектом авторских или смежных прав, в том числе и с применением такой юридической конструкции как коллективные права.

Правовая оценка результатов машинной генерации как произведения, созданного с помощью системы ИИ, требует анализа, основанного на нескольких ключевых параметрах: степени автономности системы ИИ, степени вмешательства человека и прослеживаемости творческого процесса. В настоящее время целесообразно сосредоточить усилия научного сообщества и практикующих юристов на двух последних параметрах.

Достаточно сложно законодательно определить какой интенсивностью должен обладать человеческий вклад либо ввести исчерпывающий перечень соответствующих показателей. Полагаем, что предпочтительнее в нормах закона использовать гибкую оговорку индивидуальной оценки степени человеческого участия, предназначенную для заполнения посредством толкования. Формулирование открытого перечня обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии существенного творческого вклада должно осуществляться Пленумом ВС РФ с учетом док-

тринальных позиций и складывающейся национальной и международной практики. К таковым обстоятельствам, по нашему мнению, могут быть отнесены: детализированное описание содержательных параметров произведения в промте, многократная доработка запроса с учётом промежуточных результатов, творческий отбор из множества сгенерированных вариантов по эстетическим, смысловым или иным критериям, качественная постобработка (изменение композиции, колорита, текста, структуры), изменяющая существенные характеристики результата машинной генерации. Вместе с тем, творческий вклад не сводится к измеримым количественным показателям, необходима оценка смыслового, эстетического, концептуального вклада пользователя.

Весьма важно создание механизма, позволяющего объективно оценить достаточность человеческого участия в процессе машинной генерации для признания её результата охраняемым произведением. Решение данной проблемы видится в создании специализированного реестра, который под контролем независимого регулятора (например, при Роспатенте или в рамках саморегулируемой организации) фиксировал бы определенные этапы взаимодействия человека с системой ИИ. Как минимум, должны регистрироваться исходный запрос (промт) и первый вариант генерации. Ведение такого реестра позволило бы решить сразу несколько задач: предоставление объективных данных о процессе создания в случае судебного спора, возможность участникам оборота заранее оценить правовой статус результата машинной генерации и соответствующие риски.

Список литературы:

- [1] Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1(47). С. 74-82.
- [2] Самарцева И.А. Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Цифровое право. 2025. С. 19-65.
- [3] Рожкова М.А. Искусственный интеллект (ИИ) и авторское право: ревизия подходов [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2026. 15 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/15/iskusstvennyj_intellekt_ii_i_avtorskoe_pravo_reviziy.
- [4] Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24-50.
- [5] Рассел Сю. Искусственный интеллект: современный подход: [перевод с англ.] / Стюарт Рассел, Питер Норвиг. 4-е изд. Москва: Дialeк-

тика; Санкт-Петербург: Дialeктика, 2021.

[6] Михайлов С. В. Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // Lex Russica. 2021. № 10 (179). С. 9-25.

[7] Гюльбасарова Е.В. Перспективы охраны объектов, созданных технологиями искусственного интеллекта, в рамках интеллектуального права // Актуальные проблемы российского права. 2025. С. 96-104.

[8] Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204-221.

[9] Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. 2025. Т. 5. № 2. С. 122-133.

[10] Пакшин П.К. Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 11 (180). С. 11-18.

[11] Старовойтова А. С. Гражданско-правовой режим результатов, сгенерированных нейронными сетями: проблемы определения и толкования // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 4. С. 82-90.

[12] Крыцула А.А. Платформенные решения в российском частном праве: монография. Москва : Статут, 2026. 183 с.

References:

[1] Ovchinnikov I.V. Generative artificial intelligence and copyright // Journal of the Court for Intellectual Rights. 2025. № 1(47). S. 74-82.

[2] Samartseva I.A. Legal regime of results created by generative artificial intelligence // Digital law. 2025. S. 19-65.

[3] Rozhkova M.A. Artificial intelligence (AI) and copyright: revision of approaches [Electronic resource] // Закон.ру. 2026. June 15. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/15/iskusstvennyj_intellekt_ii_i_avtorskoe_pravo_reviziy.

[4] Kalyatin V.O. Determination of the subject of rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 4. S. 24-50.

[5] Russell Xu. Artificial intelligence: a modern approach: [translated from English] / Stuart Russell, Peter Norvig. 4th ed. Moscow: Dialectics; St. Petersburg: Dialectics, 2021.

[6] Mikhailov S.V. Presumption of the creative nature (originality) of copyright objects // Lex Russica. 2021. № 10 (179). S. 9-25.

[7] Gyulbasarova E.V. Prospects for the

protection of objects created by artificial intelligence technologies within the framework of intellectual law // Actual problems of Russian law. 2025. S. 96-104.

[8] Orlova I.E. Copyright on the results of artificial intelligence // Issues of Russian justice. 2022. № 21. S. 204-221.

[9] Maslenkova N.A., Nikitina A.S. Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI // Semiotic research. 2025. VOL. 5. № 2. С. 122-133.

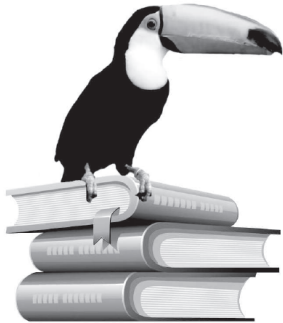
[10] Pakshin P.K. Related rights to the results

of intellectual activity created by artificial intelligence: philosophical and legal analysis of replacing the criterion of creativity with the criterion of investment // Actual problems of Russian law. 2025. № 11 (180). S. 11-18.

[11] Starovoitova A. S. Civil law regime of results generated by neural networks: problems of definition and interpretation // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 4. S. 82-90.

[12] Krytsula A.A. Platform solutions in Russian private law: monograph. Moscow: Statute, 2026. 183 с.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.